

Iversen R., Kroonen G. Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia // *American Journal of Archaeology*. 2017. Vol. 121. № 4. P. 511–525.

Kuiper F. Gothic *bagms* and Old Icelandic *ylgr* // *NOWELE*. 1995. № 25. P. 63–88.

Matasović R. Language of the Bird Names and the pre-Indo-European Substratum. Manuscript of a lecture, held at the International Colloquium on Loanwords and Substrata in Indo-European languages. Limoges, 2018.

Polomé E. C. Substrate lexicon in Germanic // *NOWELE*. 1989. № 14. P. 53–73.

Salmons J. Language shift and the Indo-Europeanization of Europe // *The Linguistic Roots of Europe* / eds. R. Mailhammer. Copenhagen, 2015. P. 103–125.

Schrijver P. Animal, vegetable and mineral: some Western European substratum words // *Sound law and analogy* / ed. A. M. Lubotsky. Amsterdam ; Atlanta, 1997. P. 293–316.

Schrijver P. La langue hattique et sa pertinence possible pour les contacts linguistiques préhistoriques en Europe occidentale // *Contacts linguistiques dans l'Occident méditerranéen antique* / eds. C. Ruiz Darasse, E. R. Luján. Madrid, 2011. P. 241–255.

Vennemann T. Contact and Prehistory: The Indo-European Northwest // *The Handbook of Language Contact* / ed. R. Hickey. Malden, 2010. P. 380–405.

А. Ф. Литвина*, Ф. Б. Успенский**

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

**Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Москва, Россия

fjodor.uspenskiy@gmail.com

Некоторые замечания о функционировании «уменьшительных» имен в допетровское время

История гипокористических форм личного имени, которые нередко называются также *уменьшительными* или *полуименами*, являет собой одну из самых интересных проблем ономастики русского средневековья. Здесь неожиданную значимость приобретает вопрос о терминологии — обозначение *уменьшительное имя* сразу же присваивает ему

уничжительную или ласкательную ауру, которой на деле в домонгольское время подобные формы в большинстве случаев не имели.

Как ни парадоксально, одна из основных функций гипокористических форм имени в допетровской Руси — нейтрализация, снятие противопоставлений. Нейтрализация эта затрагивает самые разные типы имен и самые разные сферы их бытования: христианское / нехристианское, женское / мужское, социальный верх и низ.

1. Для христианских имен самая возможность образования от них гипокористических форм означает их освоение, снятие противопоставления «свой, семейно-родовой, языческий vs. чужой, привносимый церковью извне»). Иными словами, появление христианских полуимен означает, что они наряду с нехристианскими стали активно использоваться в обиходе (не исключено, что именование людей с помощью гипокористических форм христианского имени связано с общей тенденцией, возникавшей на краях христианской ойкумены, — не давать напрямую обыкновенным людям имена наиболее прославленных святых).

В целом же очень показательны, что образование гипокористических форм от календарных и некалендарных имен происходит с помощью одних и тех же грамматических показателей, что порой ведет к буквальной омонимии и слиянию соответствующих производных от христианских и нехристианских антропонимов (*Якун*, *Мирошика*, *Ярец*, а также довольно многочисленные примеры из словаря Н. М. Тупикова, когда потенциальные гипокористические формы христианских имен безоговорочно зачисляются в имена языческие).

2а. Специальная маркированность гендерной принадлежности имени с помощью грамматических показателей весьма характерна для полных форм двухосновных некалендарных имен (*Всеслав*, *Ярополк*). При этом в позднее домонгольское время полные двухосновные имена на *-слав* проявляют тенденцию к образованию пар, где оба элемента снабжены гендерными грамматическими маркерами (*Всеслав* — *Всеслава*, *Ростислав* — *Ростислава*). Подобная грамматическая маркированность совершенно не обязательна для гипокористического производного от двухосновного имени (*Володьша*, *Святоша*).

Для некалендарных имен границу между именем односоставным и гипокористическим образованием провести порой чрезвычайно сложно — отчасти это связано с тем, что и в том и в другом случае

гендерное противопоставление может быть грамматически не выражено (*Попадья, Катавасия, Ратьша, Мстиша, Судила, Ива, Оладья, Осока, Любка, Томила, Малуша, Субботка*).

2б. Гипокористические формы христианских имен часто лишены грамматических показателей гендерной принадлежности, она опознается лишь синтаксически или на основе знания соответствующей полной формы, а иногда и вовсе не поддается определению (*Мишка, Машка, Полашка, Оношка, Даша < Давыд или Дарья?*). Подобную нейтральность русская гипокористика от христианских имен поддерживает на протяжении всего своего существования.

При этом относительно полных форм христианских имен с определенного времени проявляется тенденция к их нарочитому гендерному маркированию (*Исай / Исая, Еремей / Еремия, Софоний / Софония, Малафей / Малахия*). Тенденция эта, впрочем, никогда не бывает последовательной, ср. обратный случай: *Данила / Даниил* и др.

3. Вплоть до XIV в. ни материалы летописей, ни данные берестяных грамот, ни прочие источники не дают основания считать, что противопоставление полных и гипокористических форм имени несет на себе функцию указания на социальную иерархию. Их постоянный поиск — результат некоего исследовательского стереотипа, порожденного опытом работы с памятниками (прежде всего с деловыми документами) второй половины XV — XVII в., где это противопоставление и в самом деле являет собой весьма важный и столь же частотный элемент системы обозначения социального положения человека. Весьма существенно, что в официальных документах вплоть до XVII в. гипокористические формы от некалендарных имен фигурируют практически наравне с гипокористическими формами имен христианских.

4. Сопоставление современной ономастической терминологии, применяемой к гипокористическим формам, и их средневековых обозначений позволяет сделать некоторые наблюдения над эволюцией противопоставления полных и неполных форм имени. Кроме того, оно дает возможность зафиксировать небезопасную для исследовательских построений омонимию. Так, семантическое наполнение слова *прозвище* в современном русском языке и языке средневековья различаются кардинально.